

**Анастасия
ЯКОВЛЕВА-ПОМОГАЕВА**

г. Одесса

**Густой
запах
водорослей**

повесть

Густой запах водорослей. Пиратское простое бытие — соль на губах, ноги в песке. Два ряда куреней нависают с пригорка над пыльной проселочной дорогой. Два ряда куреней на сваях стоят прямо на пляже. Деревянные, более дорогие, и железные (как в них можно не задохнуться в сорокаградусную жару?) — для бюджетных дачников причала №137. Многие узенькие железные коробки даже с балкончиками.

На балкончиках в сумерках пиршествуют многочисленные звонкоголосые семейства. Время от времени там возникает давка, и часть родственников (обычно это мамы с выводком детей) спускается вниз, на пляж, на подстилки. Между подстилками курсирует ручная галка, за кусок вареной кукурузы позволяющая себя сфотографировать. Дети визжат от восторга. Галка полна достоинства, как провинциальная примадонна.

Один глубокий вдох. Бесстрашие — холодная вода покрывает плечи. Весь тяжкий скарб знойных навязчивых мыслей остается на берегу. Ещё раньше нужно было сбежать сюда. Не раздумывая. Но Евгений Львович не любит холодных июньских ночей, боится полчищ злобных комаров, которые умудряются намертво прилипнуть даже к намазанной противомоскитной мазью коже. А если честно, Евгений Львович просто не любит быть на даче в одиночестве. Особенно ночью.

Сейчас выйдет, даже не накинув на плечи полотенца, поднимется к себе на дачу. Вроде бы, казалось, Лена рядом всегда. Говори с ней, когда захочешь... Но об этой маленькой радости — молчок. Ещё в сумасшедшие запишут. Знаем мы, какой лакомой поживой кажется всяким проходимцам безумный старик. Поэтому никому и никогда. Виду не подавать, что они с Леночкой до сих пор вместе.

— ...Как бы тебе сказать, Леночка... Люди уже не те. Конечно, и в нашей с тобой молодости двуличных сучат хватало. Помнишь того, который кляузы на меня строчил, чтобы выслужиться? Привязчивый такой. Как его звали? Улыбался мне всегда, а сам... Я ещё тогда повелся, помнишь? Не сумел вовремя

определить подлость. А сейчас ещё больше боюсь. По-стариковски чувствительным стал. Наивным. Небоееспособным. Как думаешь?

Скрипнул деревянный пол под тяжестью шага. Она на этот раз стояла за дверью. Евгений Львович видел тень. Чуть размытое белесое очертание. Сквозь щель в дверном проёме шелохнулась туда-сюда. Исчезла.

— Леночка, ты что, не хочешь со мной говорить? Трудно тебе, что ли? Ну да, конечно, молчи, молчи.

На летней кухне внезапно звякнула чашка.

— Да, да... ты права... чаю надо заварить. Помнишь, как ты мне яблочный чай делала? Из садовых наших кислых яблок. Теперь уже никто так не приготовит.

Она частая гостья оттуда, откуда особенно ждут, почти не надеясь. Евгению Львовичу повезло. Или любовь их была особенно крепкой, или действительно на старости лет с ума начал сходить — это такая приятная форма помешательства. Может, как всегда, он просто сумел её уговорить и она привычно его послушалась? Знает, что без неё никак.

И всё-таки здесь, на даче, не так уж плохо. Можно сберечь свой покой от чужих посягательств — не наблюдать, как все вокруг летит к чертям собачьим. Как стареют и умирают соседи по дому, с которыми был знаком лет... даже страшно вспомнить сколько. А вместо них заселяется какое-то быдло. Как постепенно перестаешь понимать и интересоваться окружающими тебя людьми. Вокруг тебя выстраивается стена из «не тех» людей. И она заслоняет солнце.

Это не эпидемия. Не катастрофа. Всё происходит медленно. Клубочек накручивается: ниточка на ниточку, ниточка на ниточку. Вначале умерла Лидка, дочка Светланы с третьего этажа. Но там всё было предсказуемо: алкоголь. Затем у самой Светы отказали ноги, и её забрали «досматривать» дальние родственники. И с первого этажа умерла эта... как её там звали? Тихая интеллигентная женщина с анамнезом пациентки психиатрической клиники. Ну и пусть, что её «заносило» иногда. Обычно: чай-кофеи, фикусы на закрытом решеткой окошечке первого этажа, звуки классической музыки. Вдруг посреди зимней слякоти окно отворялось, свет горел всю ночь и

на весь двор громыхало: «Люба его са-авсэм не любит, Света совсем не светит ему! Он отсидит всего три года и сам не знает почему...» И тогда становилось страшно. В таких случаях вызывали дочь — дочь вызывала скорую — скорая забирала соседку в больницу. Из одной такой «отсидки» она так и не вернулась. Странно, как под влиянием болезни могут радикально меняться вкусы человека. Не видел бы сам — не поверил. Ну и бог с ней. Ушла. Хотя даже к ней он привык.

На смену старым знакомым приходят не те. Молодые желторотики, которым никто, кроме самих себя, не интересен. На любую попытку сближения в лучшем случае что-то пробормочут в ответ, уткнувшись в телефон, в худшем — посмотрят дикими глазами: «А-а! Говорящий человек!..»

Старики же были неприятны Евгению Львовичу. Их бесчисленное количество в общественном транспорте способно вызвать ненависть не то что у него — у куда меньших эстетов. Корябятся по подножкам общественного транспорта, крабы. Отупевшие гипсовые куклы, думающие лишь о том, как бы занять местечко у окна. Но Евгений Львович-то не такой! Несмотря на возраст, он таким не станет! Лучше побыстрее сдохнуть вдали от города — и пусть никто не придет к его могилке.

— ...Леночка... Леночка... — так и заснул.

А в саду тем временем запела качалка. Сама по себе. Не было ни ветра, ни людей поблизости. В полнейшей темноте отчетливо доносилось «курык-курык», будто кто-то сидел на этом подвесном диванчике.

«Бумц!» — диванное сиденье со всей силы ударило о железную трубу опоры. Этот кто-то был явно раздражен. Повторилось — «бумц!» — и почти стихло. Но вот опять подтянулось надсадным железным курлыканием.

2

Проснулся Евгений Львович, как обычно, спозаранку. Нет, это не стариковская бессонница, а просто от свежего воздуха: на отдых хватает часа четыре-пять — и уже бодр.

Евгений Львович спускается с пригорка на

выложенную щебнем дорогу, затем мимо береговых куреней по железной лесенке — на пляж. И никогда указанный в паспорте возраст не помешает ему совершить этот ежедневный моцион!

Возле одного из куреней припаркована сия «Победа». Новенькая, сияет бампером. Кто же у нас такой пижон? «Надо же, как отреставрирована!» — Евгений Львович заглянул в окно машины. Интересно, сколько лет владельцу? Вот с ним бы не помешало свести знакомство. Курень хозяина «Победы» больше напоминал уютный домик в западноевропейском стиле — «пространство, просчитанное до мелочей»: два этажа с внешней лестничкой и железным парковочным выступом над пляжным обрывом — специально для «Победы». По сетке, накинутой на крышу парковочного места, вьётся плющ. Возле двери — складной стул явно не из дешёвых. Евгений Львович представил, как хозяин машины выходит на рыбалку, ставит этот стул возле кромки прибора, достает бутылочку дорогого коньяка, распаковывает сигару и... Надо бы покрутиться возле машины — дожждаться владельца, расспросить об автомобиле. Конечно, подобные люди обычно падки на разговоры. Тогда дело в шляпе — познакомятся. Да у такого пижона, наверно, и шляпа дорогая — эксклюзивного фасона!

Евгений Львович проторчал возле машины не менее часа, прежде чем дверь куреня открылась и на улицу вышел совсем ещё молодой парень с петухом крашенных волос на тщательно выбритой голове.

— Тебе чего, папаша?..

Ещё полчаса напрасно потраченного времени — постоять у самой кромки воды. Евгений Львович и сам не знал, чего теперь хочет.

Так рано на пляже собирались только собачники. Песики коломутили прилизанную штилем воду и перегавкивались, не считаясь с тем, что кому-то из присутствующих может не понравиться шум. Какая-то совсем уж беспардонная псина ткнулась носом в ботинок Евгения Львовича.

— Ишь ты! — только и успел воскликнуть он.

— Ко мне, Палая, ко мне! Вы извините, она такая невоспитанная!

Чёрная с рыжим поджарая дворняжка с просительным взглядом побежала к хозяйке — молодой, лет сорока, наверно. Фигурка как у девочки. Темные вьющиеся волосы заплетены в небрежную косу. Лицо — нельзя сказать, понравилось оно сразу Евгению Львовичу или нет: вроде бы и черты правильные. Красивое, если разобраться, лицо, но что-то в нем есть от старой девы. Нет, даже не от неё. Всё-таки образ старой девы предполагает внутреннюю энергию, задор неудовлетворенности — этакую эстетику здоровой сублимации. А в лице той незнакомки что-то от статуи страдающей святой, причём определено католической. Жизнелюбивому Евгению Львовичу даже запах пыли померещился — такой в костёлах бывает. Вспомнил: сушёная маргаритка! Или тлеющие от времени страницы никем не читанной книги!

Как человек вежливый, он все же улыбнулся в ответ:

— Ничего страшного. Я люблю собак.

Она же увидела перед собой интересного мужчину — он как шикарный автомобиль или дорогая одежда, или обеспеченная устроенная жизнь — предсказуемо комфортен. Рядом с такими обычно спокойно, надежно и нет нужды тревожиться о бытовых мелочах. Наверно, с ним хорошо вот так просто сидеть на берегу и рассуждать о последнем романе — Мураками, например. Вот он слегка улыбнулся ей — значит, есть робкая надежда.

Вечером на соседней даче праздновали день рождения. Гремела музыка, кто-то сиплый пел в караоке: «...Он отсидит всего три года и сам не знает почему...» Затем стали пускать фейерверки. Над камышовыми склонами изгибались белые огненные змеи, кусали себя за хвост красные вихри. Время от времени с шипящим звуком взлетала петарда. Часам к трём ночи наконец-то всё стихло.

Евгений Львович просидел всё это время на веранде. Достал початую бутылку рома — опять вспоминал. Лет двадцать назад пригорки дачи Ковалевского не были «престижным местом». Болота, оползни, камыш, прорастающий где ни попадя... Домики-временки неминуемо сползали по склонам к воде, аннулируя разме-

ченные границы распределенных дачных участков. И самое неприятное тогда — отсутствие пресной воды и света. Евгений Львович ещё помнил, как мыли посуду и стирали прямо в море, таскали по выдолбленным в обрыве глиняным лестницам рюкзаки с провиантом, потому что до города пешком минут сорок.

Сейчас всё проще. Город разросся, и пригород возле моря оказался не так уж плох. Свет провели, воду подключили, неподалеку открыли магазинчик. Хибары отремонтировали и стали делать деньги на туристах. Богатые хозяева кое-где даже укрепили берег. Так что на своей машине добраться нетрудно, разве что за парковочные места теперь драки.

Шумно стало по ночам, зато не так страшно. Сидишь в хибарке, сколоченной из свежеспиленных досок, и в полной темноте слушаешь шорохи. Вспоминаешь, что совсем недавно, в последнюю войну, здесь были бои. Наверное, поэтому по ночам так тревожно: всё ходит и ходит кто-то, шелестит камышами, будто заблудился и покоя найти не может.

Раздалось потрескивание. Накликал на свою голову? Это человеческие шаги... Нет. Животное... Нет. Потянуло теплым ветром, запахло дымом, затрещало сильнее. Пожар!

Крики:

— Камыши горят! Камыши!..

Пока все проснулись, огонь уже гнало по сухим травам. Пока вызывали пожарных, огонь перекинулся на верхние курени.

— Пожарные не приедут!.. — крикнул кто-то.
— Проезд для их техники здесь узкий!..

Паника. Бежали люди, стучали во все окна, выносили вещи:

— Если сами не потушим, всё потеряем!.. — вновь раздался чей-то голос.

Его слышали. И тогда соседи стали выстраиваться цепью. С ведрами — от склонов до моря. С одеялами, покрывалами, с песком.

Евгений Львович тоже схватил дома кое-какие тряпки — всё не успеешь вытащить! — и бросился в общую метушню. Нижнюю часть лица он заматал смоченным водой полотенцем. Не доходя до места пожара, почувствовал, как горячий пот заставляет чесаться тело под рубашкой, от жара склеились ресницы — в сизом дыму невозможно открыть глаза. Рядом

сутились люди. Евгений Львович бросил покрывало на темнеющую от бегущего огня кромку травы и топтал, топтал... Дышать стало невозможно. Побежал обратно — на свежий воздух.

— Нужно песком засыпать! Не дать огню идти дальше!.. — крикнули прямо в ухо.

Кто-то сунул ему бутылку с питьевой водой. Когда Евгений Львович прочищал горло, поблизости раздался звук пожарной сирены. Они всё-таки приехали!..

Пожарные начали операцию, но им не удалось сразу подключить воду. По закону подлости, вода в шланг почему-то не поступала, и его опустили прямо в море. А дачники продолжали суесться — и вот сквозь дымную поволоку стали просматриваться чёрные проплешины горелой травы.

Наконец-то всё закончилось — пожар погасили. На узкой улочке народ все ещё не расходился. По-одесски громко, подкрепляя речь жестикующей, обсуждали происшествие. Большинство склонялось к мысли, что причиной стал поджог. Пока конспиративные версии переходили из уст в уста, любители фейерверков — тихо, тихо! — сели в машину и отбыли. Праздник у них сегодня не задался.

А в переулке, возле железной лестницы, Евгения Львовича ждала та самая женщина, но уже без собаки. Может, ему показалось. Но она как будто встрепенулась ему навстречу. Может, хотела что-то сказать?.. Евгений Львович вежливо поздоровался.

3

Алёна не умела жить настоящим, не жила она и прошлым: препятствовали болезненные воспоминания. Она, словно блуждающий зачарованный ребенок, замерла в стеклянном кубике между вчера и сегодня.

Злые люди от горя обычно ожесточаются. Добрые чувствуют растерянность, будто не могут понять, что произошло и почему именно с ними, — тогда они уходят от реальности всё дальше и дальше, в мир фантазий.

Когда-то у Алёны были муж и сын, а теперь — собака по кличке Палая и дом, где она вре-

менная хозяйка. С приходом тепла она много времени проводила на улице. Возможно, со стороны кто-то даже принял бы её за бродяжку, но при ближайшем рассмотрении интеллигентное лицо и правильная осанка (в детстве ходила в балетную школу) выдавали в ней обычного человека.

Друзья потерялись, а зеркала врут. Зачарованная принцесса не первой молодости — она ждала. Ожидание давало ей ощущение некоторой неопределенности, но вместе с тем надежды. А потому только вперёд и вперёд. Какая-нибудь дорога выведет...

И вот — случайная встреча на пляже. Затем пожар — Алёна тоже была там, видела, как он бросился в самое пламя с одеялом. Это она протянула ему бутылку с водой, но он и не заметил. Она проследила, чтобы узнать, в каком доме он живет.

Теперь Алёна приходила к дому Евгения Львовича, наблюдала издали, будто одичавшее животное. Нет, никакой жены или детей рядом с ним не было. Неделя, две... Всколыхнулось в душе: он тоже одинок. Однажды Алёна подошла к его дому вплотную и услышала его голос: он как будто говорил сам с собой. Другая приняла бы его за сумасшедшего, но не Алёна, она знала: от одиночества часто бывает, и не «клиника» это вовсе. В тот момент ей показалось, что в её душе по отношению к нему возникло нечто большее, чем простое участие.

Дальше был сложный этап приручения — так обычно приручают диких бездомных животных: вначале кидают издали лакомые кусочки, оказывают ни к чему не обязывающие знаки внимания. И Алёна стала для Евгения Львовича услужливой соседкой по даче. Ага, бесприютный зверь, заглатывая приманку, постепенно подходил ближе и ближе, но был ещё напряжен, готовясь в любой момент отскочить. Он смотрел выжидающе, исподлобья. В такие моменты она обычно начинала говорить — убаюкивающе, ласково.

Алёна чувствовала, что Евгений все ещё ей не доверяет. Но беседы ведь ни к чему не обязывают, правда? Зато к постоянным собеседникам привыкаешь, нашлись и общие темы. Пусть пока остается так. Алёна догадывалась:

ещё чуть-чуть — и возникнет привязанность. Совсем скоро он не сможет обходиться без общения с ней. Сколько раз самые озлобленные бездомные псы садились к её ногам? Они ласкались, извиваясь всем телом, будто щенята. Все знакомые удивлялись, а ведь весь секрет в терпении. С одинокими людьми так же.

Поначалу Евгений Львович казался Алёне слегка высокомерным, говорил в основном о себе. Через неделю произошло ожидаемое чудо: он пригласил её к себе домой. Но физической близости не было. Они проговорили до утра: о нём, о его умершей жене и прожитой жизни...

Проникшие в кухню насекомые исследуют холодный свет светодиодной лампы. На покрытом скатертью пластиковом столе чай с мятой и занесённые ветром в открытое окно пожухлые от жары листья. Алёна машинально брала их в руку и превращала в прах. Ей даже не приходилось рассказывать о себе. И хорошо, слишком уж сложно объяснять, а так — только слушай. Можно даже не встречаться глазами: уткнуться взглядом туда, где шуршит у горы камыш. Кто там шерудит? Пёс-бродяга? Лис? Или ветер? Но страшно Алёне не было. На верандах соседних домиков горели огни. Совсем близко кто-то в весёлой компании пел под гитару песни Челентано.

Алёна перевела взгляд на Евгения Львовича и вздрогнула. Потом поняла, что не так: две тени. Его фигура отбрасывает две тени! Может, так падает на него свет или другая причина?.. Не успела она придумать ни одной правдоподобной версии, как вторая тень сама по себе отделилась, заструилась в воздухе, приподнялась — будто серое, полупрозрачное облачко. Оно скрутилось в тонкую воронку и растворилось.

— Что случилось? Я утомил вас? — спросил Евгений Львович.

— Нет, что вы, — не выдала своих наблюдений Алёна. — Прохладно стало. Мне уже домой пора.

Он не возражал, не предложил ей теплую куртку или плед, да и провожать хотя бы до калитки явно не собирался. Ну и ладно. Видно, его слишком расстроили собственные воспоминания. Задумчивый, попрощался с гостьей кивком. Алёна потопала по темной дорожке

между курениями, рискуя напороться на ветку или подвернуть ногу.

Чёрт! Накаркала! Наступила на что-то. Камень? Деревянный брусок? Нога соскользнула, и Алёна упала навзничь, поцарапав подбородок. Когда чуть успокоилось тревожно заколотившееся сердце, проверила: челюсть вроде целая, ноги в порядке — только кожу стесала. Алёна выдохнула. Она дотянулась до предмета, ставшего причиной падения. Это же женская туфля! Миниатюрная лаковая калошечка образца шестидесятых годов. Чёрная, с круглым носком и толстым каблучком сантиметр пятнадцати.

— ...Лена, Леночка, ты помнишь, как мы танцевали в Клубе офицеров? Тогда зимой? Новогодний бал. А потом заявили в квартиру родителей на Карла Маркса. Помнишь ту коммуналку? Боялись соседей разбудить. Шли так, чтобы ни одна половица не скрипнула в коридоре!..

За окном зашуршал камыш. С улицы дохнуло прохладой, а затем внезапно — теплом. Здесь так бывает.

— Фу ты! Наверно, опять с очистительной повеяло.

В домике Евгения Львовича изнутри кто-то стукнул в тёмное окно. Ему даже показалось, что он видит белёсые костяшки пальцев.

— Ты права, Леночка. Спать так спать.

4

Дачный сезон был в самом разгаре, несмотря на внезапные грозы и адскую жару. В городе, по-любому, сейчас гораздо хуже, а здесь, у воды, можно хотя бы свободно дышать.

Ближе к вечеру над морем началась гроза. На берегу было по-прежнему солнечно, и кучка дачников с варёной кукурузой и биноклями обустроилась на подстилках, чтобы наблюдать это эпическое зрелище. Наиболее продвинутые даже запустили в эпицентр грозы дрон. Он жужжал, то залетая в опасную зону, то зависая над головами зрителей на берегу. А люди махали руками, словно помогая хозяину дрона получить лишний просмотр на youtube.

Евгений и Алёна встретились на пляже. Он —

с биноклем, она — с постоянно сопровождающей ее псиной. «Могла бы сегодня её не брать, — поморщился он. — Ладно, простительно. Не знает ещё, какая радость её ожидает».

Сегодня Алёна выглядела по-особенному, после знакомства с Евгением Львовичем начала понемногу следить за собой: и одежда аккуратная, и на ногах не привычные сбитые кроссовки, а босоножки. Какие у неё, оказывается, ноги!.. Стройные, ровные, загорелые. Совсем как у юной девушки. Если бы она умела за собой ухаживать, как Елена!.. Учить надо непутёвую, молодую.

Алёна, похоже, была всерьёз увлечена происходящим в небе. Чёткой чёрной полосой над морем шёл ливень. А рядом лёгким призраком, купаясь в небесной влаге, висела радуга.

Внезапно на большой скорости нечто винтокрылое, похожее на вертолёт, пролетело над косогором. Пляжники застыли. Механическая жужелица вонзилась в радугу, окончательно её рассыпав.

«Доброе утро, Вьетнам! — подумал Евгений Львович. — Опять у военных какие-то учения. Но у нас есть камыши. И минут пять, чтобы добежать».

— Ничего себе, как быстро.... — обратился он к Алёне.

Она молчала, всё смотрела на чёрную линию дождя. Что ж, ему придется брать инициативу на себя. С чего бы начать?..

— Алёнушка, моя жизнь уже не является для вас тайной. Всё как на духу поведал я вам...

«Ой, ёлки... — мысленно спохватился Евгений Львович. — Как тошнотворно! Пошлятина. Как же подойти к основному вопросу?»

— Вы умеете слушать как никто другой, — сказал он. — Я бы хотел вам предложить...

Она остановила его словопоток жестом и тут же примирительно улыбнулась.

«На кого же она похожа? — он вспомнил: — На Магдалину из рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда». Измученная какая-то. Жертвенная».

— Подождите. Дайте я немного расскажу о себе... — начала Алёна. Затем пауза. Долгая. Чем заполнить? — Даже не знаю, с чего начать. У вас всё так в жизни было... нормально. У меня не так.

Грозу между тем относил всё дальше от берега, но с камышового косогоора набежали тучи. Большая часть пляжников засобиралась по домам. В прибрежных куренях засветили окна, закрыли железяки, служившие дверьми. Ожидался второй раунд «борьбы со стихией». А жертвенная Магдалина всё медлила с рассказом.

— До определенного момента жизнь моя текла, как и у других людей. Ну так, по мелочи проблемы: отец немного попивал, родители из-за этого ссорились. Но мать его не бросала, семью тянула — это ведь часто случается... Я вышла замуж в двадцать. В двадцать один забеременела. Муж был очень доволен. Он сразу же растрезвонил о нашей беременности друзьям. Всё рассказывал, какой его ребенок будет красивый, умный... И что на футбол его обязательно отдаст. Вон, мол, как пинается. Затем мы пошли на УЗИ. Узистка долго рассматривала изображение на мониторе, позвала врача. Нас выставили в коридор, потом пригласили. Как приговор: множественные пороки развития плода. Потом я, оглушенная, одна сидела на парапете у входа в поликлинику. Где был муж, не знаю.

Не помню, как села в такси и добралась домой. Всё думала: «Почему у меня? Мы с мужем ведь не алкаши». Я даже не курила никогда. За какие грехи? Весь мир, все люди в тот момент отделились от меня. Я думала: будут жить обычной жизнью, радоваться, а я — уже никогда. И всё же мы с Олегом надеялись, что это ошибка. Решили: пусть родится и проживёт сколько Бог даст. Но сами надеялись на чудо.

Чуда не произошло. Василёк прожил в реанимации три дня. Я боялась возвращаться домой, там всё напоминало о счастливом ожидании. Потом Олег убрал то, что мы приготовили к выписке сына. А затем муж и сам потихоньку убрался из моей жизни. Правильно, зачем ему жена, которая не может родить здорового ребенка? Я его не упрекаю. Не справилась...

Потом родители умерли — один за другим. А я осталась... Зато у меня теперь друзья есть. Правда, Палая? Да, моя хорошая?

Собака, отвивая всем телом, легла на ноги хозяйки и смотрела умоляющим взглядом не

на неё, а на Евгения Львовича. Он не торопился, теперь не торопился... Опять возникла пауза — неловкая, затянувшаяся. После такого откровения обсуждать вслух что-то было сложно. Да и зачем? Это жизнь, чужое прошлое. Перекинувшись парой слов, они попрощались и разошлись по домам.

5

Евгений Львович не видел Алёну почти две недели. Сначала не особенно и скучал. Затем понял, насколько не хватает ему вечерних разговоров. Где её искать? Да и нужно ли? Раньше ведь она сама приходила к нему. Может, снова появится?

Июльская жара постепенно переросла в августовское пекло. Даже ночью с лица тёк пот. Евгений решил ночевать на улице. В доме, даже дачном, сложенном из досок и пропускающем сквозь щели все сквозняки, дышать было нечем. Свет во дворике решил не оставлять: на пригорке, где военная база, горят фонари. По двору, по камышам колышутся белые пятна света, отчего темень в неосвещённых углах кажется ещё более непроглядной.

Ближе к часу ночи с болота донеслись шорохи. Затем смолкло. Евгений Львович на своем топчане вдруг как будто оказался в звуковом вакууме. Потом он услышал железный стрекот — похоже на автоматную очередь. Приглушенные раскатистые звуки, словно сотни голосов: — А-а-а! У-а-а! Ура-а! — на Евгения Львовича будто дохнуло этим звуком.

Потрескивал ломающийся камыш, словно его мяли сотни ног. Порыв ветра. Трава, ветки — всё полетело, закружилось — прямо на него. И успокоилось в одну секунду: лёгкий бриз, потрескивание кузнечиков, звук прибоя.

Евгений Львович уснул, но вскоре его разбудил шум воды из открытого на всю мощность крана. Хлестало так, что ещё чуть-чуть — и вентиль оторвётся. Сломанные краны — это непозволительно в засушливых условиях 137-го причала. Он побыстрее ликвидировал это безобразие.

— Лен, Лена... Ну прекрати, пожалуйста. Ты же приличная женщина. Если ты боишься, что

я забуду тебя, не переживай. Ну хочешь, мы с тобой вечером переберём наши книги. Я вот тут недавно интересную статейку выискал о недостающем звене эволюции. Тебе было бы хорошо послушать.

Мягкая серебристая тень качнулась в сторону окна. Книга с полки упала.

— Ну да, ты не очень любишь эту тематику! Но я вот тоже не люблю смотреть твои фильмы, а приходится. Ну что за дрянь ты просишь ставить на ноутбуке каждый вечер. Как можно такое смотреть, дорогая?

Евгений Львович даже как-то виновато улыбнулся. Он привык немного заискивать перед Еленой, когда она сердится. Примерный муженек будет улыбаться и тут же постарается незаметно улизнуть. Она и не поймёт. А если и сообразит, в нынешнем своем... состоянии не сможет отправиться следом. За десятки прожитых вместе лет Евгений Львович научился с ней ладить, ведь вместе они были почти всегда — неразлучны, неотделимы друг от друга. Так и останется.

Буквально через два дня, вечером по пути в магазин, Евгений Львович увидел впереди Алёну. На этот раз без собаки она шла по лестнице, ведущей наверх через камыши. Наверно, с пляжа.

Деревянные подмости стучали под ногами. Заросли камыша выше человеческого роста то прятали, то вновь показывали фигуру. Как будто игра такая в «чёт-нечёт»: «Подойти — не подойти», — загадывал он, идя следом.

Но вот она остановилась на верхней площадке — оттуда красивый вид на море. Не видно узкой пыльной улочки причала — только море, зелень, маленькие домики с покатыми крышами, мыс Монах. Одним словом, будто и не Одесса — Неаполь.

Алёна не заметила Евгения Львовича — спрятался за камышовыми зарослями. «Интересно, а где её дом? Дай-ка глянуть», — решил он.

Наверху, над лестницей, дома побогаче. Кусты резного чумака напеминают пальмы. Экзотического шарма добавляет и завезённый с Кавказа ярко-рыжий ползучий колокольчик-паразит, облюбовавший стены. Чувствуется полусонный лоск юга, беззабот-

ного курортного жития-бытия. Пройдешь по улицам — расслабишься, так хорошо становится, аж в собственное призрачное благополучие верить начнешь.

Алёна свернула. Вот знакомый довольно-таки интересный двухэтажный дом — сколько раз Евгений Львович мимо проходил! По всем признакам — заброшенный. Очень отличается от «замковых» построек нуворишей. Со вкусом построен домик, есть в нём какая-то западная буржуазность, что ли. Будто его хозяева из поколения в поколение жили не желанием «отхватить побольше да покрасоваться», а спокойно наслаждались безбедной размеренной жизнью.

Особняк из тёмного кирпича в британском стиле, без излишних украшательств — массивные деревянные ворота под стать зданию. Круглая стена, обвитая плющом и ещё какими-то растениями. Когда Евгений Львович проходил мимо, обратил внимание, что плющом заросли ворота и калитка этой усадьбы. Значит, их давно никто не открывал. Что внутри — непонятно. Неухоженный сад, наверно, успел превратиться в чащобу.

Алёна обошла дом кругом, завернула в переулок и исчезла. Подойдя поближе, Евгений Львович обнаружил небольшую калитку в углу заборной кладки. Алёна для него становилась все более и более интересной особой.

На следующий день он увидел Алёну на пляже. Вместо обычных джинсовых шорт и линейной майки — купальник. «А фигурка-то ничего!.. — опять подумалось Евгению. — И зачем такое сокровище прятать?»

Как подойти? Что сказать? Они же и не ссорились по сути? Значит, ничего страшного не произошло. Если так, то лучше и не усложнять.

— Добрый день... — просто сказал он.

Алёна ему обрадовалась — он даже и не ожидал. Что ж, тем легче завести разговор. Он и начал. Евгений Львович говорил много: об одиночестве, нежелании стареть, о том, сколько неприятного обнаруживаешь вокруг себя ближе к старости и как хотелось бы оградиться от всего этого. Вдвоём с любимым человеком. Предложение поселиться вместе слетело с губ так естественно, что Алёна и не смогла

ответить ему отказом. К тому же ей очень нравился этот умный, обаятельный человек.

Он решил, что будет лучше, если они поселятся у неё в особняке.

— Это не мой дом, — призналась Алёна. — Хозяева уехали за границу и попросили присмотреть за ним. Вот такая у меня работа. Сама я там ещё могу пожить, но, если приведу мужчину, меня не поймут. Всё равно кто-нибудь да заметит, донесут хозяевам.

Евгений Львович, конечно, был раздосадован, но промолчал. Он молчал аристократично, приподняв бровь. Он молчал артистично, как героиня Моэма. Он молчал, будто бы это было соревнование по молчанию, и Алёна его проиграла. Она начала оправдываться:

— Нет, ну правда же... Всё-таки чужой дом...

Это было и так понятно. Но как примет его дом новую хозяйку — вот этого он не знал. По дороге к себе он всё думал, как примет женщину его Елена, сумеет ли смириться. Он вечером решил для начала просто поговорить с ней.

— ...Но мне же приходится жить дальше. Ты оставила меня первой, хотя обещала не уходить без меня. Помнишь, как переживала, что заботиться обо мне будет некому? И что? Смерть это не остановило!

В доме на этот раз было непривычно тихо. От пустоты вечерняя темень казалась страшной. Да лучше бы в ней крутились клубки чертей или водилась толпа призраков, — к ним-то он давно привык, а это молчание стало куда большей пыткой, чем обычные игры воображения. Оно затягивало, давило ему на ребра, не давая сосредоточиться на повседневных делах. От молчания веяло смертью — той, после которой совсем ничего нет, которая рано или поздно придет к каждому, и ни минутки себе не вымолишь.

Тогда Евгению Львовичу показалось, что Елена ушла.

6

Нельзя сказать, что он полностью подчинился этой пустоте. Он сопротивлялся. Даже предпринял попытку нового гнездования в ней — скорбного, но деятельного. Убрал

в доме, очистил от сорняков сад. Вот только вещи Елены выкинуть так и не смог. Это ведь не только её жизнь была. А от собственного прошлого как избавиться?

«Успеется...» — решил он и пошёл за Алёной.

Расправить бы, расплавнить крылья рядом с ней. Нет уж! Пусть видит все прорехи. Может, поймёт, примет страдальца.

Она приняла — в гнездо залетела.

— Посмотри-ка, Лена... Или тебе больше нравится, когда Алёной называют? Извини, прошлую жену я Леной называл — привык. Что делать? Будешь Леной. Ведь полное имя — Елена — у вас одинаковое. Посмотри, Лена, как я прибрал дом к твоему приходу. Вот посуду новую купил: кастрюлю и сковородку. Яблоню в саду от паразитов очистил. Осенью будем пить яблочный чай. Ещё новый сервиз купил и книги. По вечерам будем читать. Знаешь, мы с женой так любили за яблочным чаем вслух читать...

Алёна осмотрелась, взяла со стола яблоко и надкусила — совсем ещё кислое.

— А пойдём на пляж, посидим на берегу, — предложил Евгений Львович. — Посмотри в окно: вон как вода в августе фосфорится. На ткань с люрексом похожа, правда? Ты любишь люрекс? Нет? А мне всегда нравился. Особенно на чёрной ткани. Я тебе обязательно куплю чёрное платье с люрексом и туфли на высоком каблуке. У тебя очень красивая фигура. Моя жена всегда платья носила. Знаешь, на неё все мужчины смотрели. Конечно, я ревновал. Не без этого. Но было приятно.

Алёна молчала. Низко над пригорком, как покорители галактики, пролетали рейсовые самолёты. Ночной прилив тихо, монотонно захватывал всё новые сухие камешки на берегу.

Может, она не любила люрекс и считала его старомодным? Может, она вообще не носила платья и на каблуках чувствовала себя неловко? Но ведь это — забота с его стороны. О ней ведь давно никто не заботился. И заботился ли когда-то?

— Мы проживём здесь до глубокой осени. Дом у меня, конечно, не самый тёплый. Но бабье лето как-то перетерпим. Верно? Ой, как не хочется возвращаться в город! Ты бы знала, какой у нас двор! Каждые выходные шабаш. Причём всеобщий. Трезвого не встретишь! С

полудня ползают, это какие-то контуженные тараканы, а не люди! Такие, как они, от тараканов и произошли — от тараканов, дихлофосом травленных. А помойки какие после себя оставляют! Вот всегда хотелось взять хорошего дуста или порошка и отдраить улицы и дворы от этих... До белизны. И чтобы ни одного не осталось.

Алёна думала лишь о том, что у неё теперь будет новый дом. Трудности вне этого дома её мало заботили. Палая тоже была готова к переменам. Она уже приняла Евгения Львовича за своего. Даже возвела в жоаки их новой маленькой стаи, поэтому ластилась к нему изо всех сил, по привычке извиваясь телом. Но рука нового хозяина была немой: ни жеста, чтобы отблагодарить за искреннее пёсье расположение. Поэтому Палая отправилась к линии наступающего прибоя играть с камнями и делать вид, что не очень-то и хотелось. Хозяйка? Нет. Та тоже как-то от неё отстранилась.

Затем у них была близость — здесь, у моря, и Алёна заснула. Единственное место, где ночью в такую жару спокойно спится, — это пляж.

Сон ей снился лёгкий. Как будто бы она входит в огромный старинный дом с анфиладой комнат и становится там хозяйкой. В новом для себя качестве осматривается вокруг: нужно навести везде порядок — свой порядок. Можно ходить по бесконечным светлым коридорам, нельзя лишь заглядывать в комнату там, в самом конце анфилады.

Проснулась Алёна от утренней прохлады. Евгений лежал на подстилке рядом. Спал на спине, смешно открыв рот, даже похрапывал. Алёна не стала будить его, решила насладиться утренним пейзажем.

Море на рассвете отлиывает молочно-матовым, но оно прозрачно. Каждый камешек виден. Ещё нет туристов-пляжников, никто воду не взбаламутил. По берегу вышагивает здоровенная чайка. Самка баклана. Почему не улетает? Заметила, что Алёна на подстилке приподнялась? Больна? Алёна попыталась прогнать птицу. Но та только подбежала поближе к воде, даже не сделав попытку взлететь, замерла и присела. Точно, больна.

Алёна осторожно поднялась и подошла поближе. Похоже, что у баклана что-то с крылом.

Хорошо бы взять птицу и отнести в тень — скоро солнце начнет припекать, подтянутся и любопытствующие люди, а заодно причальные кошки и собаки. Но тут её дернули за плечо. Обернулась: Евгений смотрел на птицу брезгливо:

— Отойди, пожалуйста. Вдруг она заразна.

— Но...

— Я беспокоюсь за тебя. Ты ведь не ветеринар?

— Нет.

— Дай природе делать своё дело. Не вмешивайся.

Послушалась.

— Я понимаю. Сам пытался выхаживать больных птиц. Всё без толку. Помирали. Кроме грязи и вони, ничего хорошего. Тогда я понял: судьба — значит, выживет. Нет — естественный отбор, и ничто уже не поможет.

На пляже стали собираться пляжники. Никто из любопытствующих птицу не трогал. Какая-то добросердка даже угостила её рыбешкой, бросив тушку тюльки издали. Вот прилетел ещё один баклан. Привлекла раздача рыбки? Или решил помочь подруге?

Стало припекать солнце. Вторая птица посидела минут пять, агрессивно щёлкая клювом в сторону того, кто проявлял хоть какой-то интерес к её подруге, затем улетела в сторону моря. Мол, извини, защитишь тебя никак не получится.

На солнце стало совсем жарко.

— Может, мы ей тюльки тоже принесём?

— Ну, давай... Только смысл? Мне кажется, что она не жилец. Извини, конечно...

Алёна со вздохом поняла, что Евгений прав. Она вот тоже сколько раз пыталась спасти птички жизни и выхаживать выбракованных, выпавших из гнезда птенцов — без толку.

Природа сразу убивает слабых. А заразиться от птицы неведомой болезнью Алёне не особо хотелось. Она, конечно, альтруистка в вопросах, касающихся животных, да и людей тоже в беде не оставит, но, раз природа против, нужно смириться.

— Давай собирайся. Не то обгорим, — тон у Евгения деловой, весёлый.

Последний взгляд на прибой. Нахоленная птица легла у самой кромки — приготовилась к неизбежному.

Неприятные впечатления не смогли испортить весь день. Бог с ней — с чужой жизнью. Особенно после той ночи, после такого утреннего сна, неги и шума молочно-белых волн. Главное, рядом тот, кто скажет: «Идём, ты можешь обгореть».

Когда все мелкие домашние хлопоты остались позади и они сели пить утренний кофе за столом под яблоней, он попросил:

— Расскажи...

— Рассказать что?

— Сон свой расскажи.

— Какой сон? — с томной полуулыбкой.

Пусть он поупрашивает.

— Я думаю, ты сама знаешь.

— ?

Вздых:

— Я уверен, что тебе сегодня приснилось что-то очень хорошее под утро.

— Знаешь, сны так тяжело рассказывать. Они такие, ну... ускользающие. И если я произнесу это вслух, то ощущения мои изменятся. Вот то, что внутри сейчас, в душе.

Недовольная мина. Показалось, даже цвиркнул сквозь губу. Нет, нельзя так сразу портить романтический настрой.

— Понимаешь, даже не знаю, с чего начать. Там было очень много воздуха и света...

О, как сразу потеплело его лицо. Рассеян будто. Но она понимает. Вдруг вскочил. Принёс маленький портативный MP3-проигрыватель, поставил лёгкий джаз.

— Это Лестер Янг, «Undercover Girl Blues». Теперь рассказывай.

Мальчик. Какой же он светлый, непосредственный ребенок! Разве можно не обожать этого седовласого мальчика? И она заново придумала свой сон. Так, чтобы было интересно ему. В этом сне анфилады светлых комнат выходили прямо на морской берег. В этом сне их было двое: хозяин и хозяйка, они вместе, обнявшись, смотрели на прибор. Ещё и ещё разворачивала для него идилические картинки. А когда закончила, поняла, что почти забыла тот свой сон, настоящий. И ощущения от него как-то поистерлись. Стали сродни марлевой тряпочке, приколоченной гвоздями к старой раме.

Так у них в семье и повелось сны рассказывать. Для этого отводилось специальное время за завтраком.

Светлая квартира превращается в низкий мрачный коридор замка... Нет. Это гостиница. Справа — огромный тёмный коридор. Туда лучше не входить. Там нет постояльцев. Это крыло заброшено. Но ей приходится жить рядом с этим крылом и возвращаться к себе в номер через коридор, наполненный молчанием. Молчанием, похожим на чёрную дыру, словно затягивающим в бесконечное падение. Во время такого падения она и проснулась.

Евгений был рядом.

Нет, она не даст испортить себе настроение из-за каких-то там снов. Пока шла через пахнущую солнцем и солью кухню, думала, какой сон придумать для него на сегодняшнее утро. Шваркнула на электроплитку вскипевший кофе. Вот так, даже не заметила. Наверно, с полуулыбкой и стояла возле плиты. Как обычно в последнее время.

Евгений зашёл за ней на кухню какой-то смущенный, удивлённый. Старался не смотреть Алёне в глаза, сам не выдержал гнетущего молчания:

— Знаешь, это не дело. Не подумай, что я тебя в чем-то обвиняю. Тем более зная, что ты не слишком падка на красивые вещи. Уж извини, это так... Но больше некому было это сделать... Понимаешь, я отлично помню, как ставил туфли Лены на нижнюю полку в шкаф. А теперь их там нет. Возможно, тебе неприятно, что я продолжаю хранить её вещи. Так скажи прямо об этом, а не выкидывай их.

— Я не выкидывала, — ответила Алёна.

— Ну, а кто же ещё мог? Я, хвала богам, пока ещё в маразм не впал! Стоп. Если это не ты, а туфли стояли на нижней полке... Палая твоя случайно не могла взять «поиграться»?

— Да она взрослая собака, ничего подобного я за ней не наблюдала. Подожди. Давай поищем.

Поиски велись полдня. Туфли так и не были найдены. Мистика?

— Палая! А ну-ка иди сюда!

Человек, который не захотел стать её жожа-

ком, человек, который не принял её в стаю, теперь и вовсе выражал агрессию. Впервые. Но для Палой такое положение дел казалось закономерным.

Хозяйка же, судя по тону, пыталась её защитить. Но голос той звучал не совсем уверенно. Скорее, просительно. Она была в полном подчинении у вожака.

Палая уловила оправдывающиеся нотки в голосе Алёны и сбежала на пляж. Там она собирала солёных рачков в кучах мусора, скопившихся возле свай. Пообглаживала какие-то сладко вонючие перья дохлой птицы — благодаря причальным котам, от птицы к тому времени мало что осталось. В тени провела сестру. К вечеру опять прибудилась домой. Ссора к тому времени приутихла, но вопрос о пребывании собаки в доме остался открытым.

7

Почему они должны ссориться из-за такой мелочи, как присутствие псины в его собственном доме? Довольно-таки вонючей (это уже ладно), к тому же вредной, нарушающей порядок его обители.

Когда он уезжал в город, копыны листьев у лестницы кивали ему собачьими, совсем уж пуделиными кудлатыми головами. От лёгкого бриза они открывали пасти. «Ба-ба-ба-ба», — бибабо куклы — им оттягивают за леску челюсть, а затем отпускают.

Решение пришло спонтанно: к вечеру он сбежал из дома, ставшего неудобным. Просто развернулся и ушёл, не предупредив. Пусть она знает, попереживает и сделает выбор: или он, или псина. Эта женщина теперь обязана ему и пусть ведёт себя соответствующим образом. Возмнила себя хозяйкой? Отлично. Бабские истерики! Не для этого он решил впустить Алёну к себе. Не для этого Елену прогнал, чтобы эта приживалка условия диктовала. Сколько, интересно, выдержит она без него?

Быстро же он отвык от городской жизни. Понял это, как только поднялся на склон. Тут ещё не было многоэтажек и раскалённого асфальта, над которым, будто прозрачный газо-

вый платок, стелется жар. Он почувствовал почти что кожный зуд от шума многочисленных маршруток, отъезжающих от конечной остановки 411-й батареи.

Должна, должна сама уяснить, что была не права! Ничего, он ещё её выдрессирует. Не ему же менять свои привычки!

В городской квартире его ждала привычная труха. За окнами открытого балкона привычная брань. Из квартиры умершей соседки с первого этажа наконец-то выносили мебель. Вокруг сновали жаждущие пожить старыми вещами и просто любопытствующие.

Не выдержав ночной духоты, Евгений Львович тоже выполз в тёмную яму двора. Дар языческим божкам хаоса — в железных ящичках мангалов раскраснелись угольки. Фигуры возле них колдовали над маринованным мясом. Они вытащили во двор стулья, подранные матрасы и даже кресла.

Идут двое, пытаюсь не свалиться в кусты.

— Вот видишь, я умею управлять своей головой.

— Глупости, если бы ты управлял, то был бы президентом своего тела.

— Нет, я умею направлять свою голову в нужную сторону, и тогда все остальное тело идёт туда.

— Куда?

— Это самоуправление.

— Нет, это самоуправство.

— Даёшь смену режима!

И пьяная парочка влетела — вписалась в расставленный на дороге потрепанный диван.

День. Полтора. И ещё час. Алёна так и не позвонила. Ведь знает же телефон! Неужели ей действительно так хорошо без него? Кстати, в его собственном доме! Вот наглая. Сжила. Выгнала лиса зайку из избушки. Окончательно испереживавшись, Евгений Львович начал генеральное копошение в трухе своего городского гнезда. Нужно было избавиться от следов прошлой жизни ещё и здесь. В кульки для мусора полетели наполовину использованные, недоеденные тараканами крупы и стиральные порошки — куча стиральных порошков. Когда только он их накопил?

Интересно, как он сможет укротить эту блаженненькую дуру? Даже во время спора она вела себя провоцирующе спокойно. Или не прогонять пока? А как же тогда мужская гордость?

Окна вымыть. Неприятно к ним в паутине прикасаться, но что делать... Ещё нужно ящики перевернуть. Полку с книгами. Там вроде бы не должно ничего лишнего валяться.

Он встал на цыпочки, чтобы достать с полки книги. Ох, нелёгкая... Тут ему прямо на голову свалился предмет. Вначале — один, затем — второй. Туфли. Чёрные калошки. Те самые, пропавшие на даче? Быть того не может. Похожие? Второй комплект?..

Пусть он так и не узнает, что с ней происходит на самом деле. Что толку глухому объяснять? Непонимание. Обида. За что? Нельзя же так походя пнуть. Из-за каких-то старых туфель уехать, бросив её одну. Сама виновата? Возможно. Но нельзя ведь чувствовать свою вину постоянно.

Алёна знала, что и в жизни тоже периодически приходится нырнуть на самую глубину сквозь переливающуюся бликами толщу воды, чтобы оттолкнуться ногами от дна. Только откуда взять на это силы? Думать постоянно, что могла бы всё изменить, но не сделала этого? «Ты поселилась в моем доме. Я ушёл — ты виновата. Это ты выгнала меня, а не я тебя бросил»?

Разве выгоняла? Виновата — и по сценарию должна была бы сразу позвонить ему. Переживать. Вдруг что-то случилось? Оправдываться. После бессонной ночи ожиданий она уже собралась звонить, но подумала о собаке. Обидно даже не за себя стало. За неё. Она, Алёна, ладно уже. Тварь бессловесную-то за что? Это дало силы оттолкнуться от дна и промолчать. Пусть он так и не узнает, как она проревела полночи и, заснув под утро, увидела очередной кошмар.

В одном из закоулков анфилады комнат её когда-то просторного дома жило зло. И ей пришлось поселиться рядом с ним. Как в старой сказке: «Ты, девочка, здесь хозяйка, только вон в ту комнату не заходи. Там оно и пах-

нет тленом. Закоулочек — его владения. И не вытравишь. Даже не пытайся». Девочка же усиленно пыталась делать вид, что ничего не происходит. Старалась даже радость изобразить. Только прислушивалась время от времени к доносившимся из другой комнаты звукам.

Ближе к вечеру второго дня опять накатила волна вины и паники. А вдруг действительно что-то произошло? Поддавшись этому приступу, Алёна метнулась в город.

Когда поднялась на пригорок (хотела бежать к нему, не глядя по сторонам), неожиданно встретила старого знакомого — сына тех самых хозяев, дом которых когда-то взялась охранять. Вспомнила вдруг, что дубликат ключей ему должна была отдать, что договорились с ним на экскурсию по 411-й. Выпали эти обещания из памяти. Начисто!

Нет, молодой парень не был на неё обижен. В особняке обживался как мог. Разговаривал приветливо, в гости приглашал. Неудобно было сразу убежать. Встали возле его калитки. Алёне пришлось оправдываться:

— Мне срочно... Я позже...

Радужно и спокойно в ответ:

— О'кей! Обязательно на чай заходите, когда сможете.

Только отвернулась, чтобы дальше бежать, как заметила на дороге знакомую фигуру.

Облегчение, восторг. Даже сама от себя не ожидала. Простил? Ничего страшного ведь и не было. Сам понял? Или она, дура, неправильно его поняла? Дура! Дура! Конечно же!

Он нёс под мышкой какую-то коробку. Неприязненно глянул на улыбающегося молодого человека. Когда приблизился, даже не поздоровался, буркнул ей: «Пойдём домой!»

А дома опять какие-то непонятные настроения. Алёна была совсем сбита с толку. Евгений молча что-то долго искал: перерыл шкафы, что-то высматривал под кустами в саду, даже спустился к калитке.

— Где?

— Что?

— Туфли. Ты так их и не нашла?

Может, он помешался? Страшно находиться наедине с сумасшедшим.

— Посмотри, это они? — он открыл коробку и достал оттуда пару лакированных туфель.

— Я не знаю...

— Они, они. Ты же другую пару точно таких же на даче не находила?

Алёна не успела открыть рот, чтобы оправдаться, но вдруг заметила, что он сел на кровать. Голова опущена. Лицо покраснело, отчего седовласый престарелый мальчик стал выглядеть беспомощно, а не устрашающе.

— Ну, тогда я вообще не могу ничего понять.

— Зачем ты их домой с собой взял, а собаку во всём обвинил?

— Дура! Да не брал я их! Дай лучше воды!

Он все так же сидел, потирал грудь, как будто вот-вот случится сердечный приступ. Она даже не решилась обидеться на его грубость.

Когда вернулась с водой, Евгений говорил сам с собой. Или с кем-то невидимым...

— Слушай, отпусти, а? Я всё понимаю. Мы же с тобой попрощались. Ты же ушла! Неужели нельзя так просто разойтись? Всю жизнь кровь мне портила своими истериками. Не ясно? Я больше в тебе не нуждаюсь. Отстань. Я хочу свободы! Я свободный человек! Поняла?! Ты меня бросила. Хочешь, чтобы виноватым себя почувствовал? Да? Это вполне в твоём характере. Как только удавалось сорваться с твоего короткого поводка, всегда сразу же раздавалась команда: «Бобик, к ноге!» Я не виновен. Ни в чём! И жил, и буду жить, как захочу и с кем захочу. Пугай сколько угодно. Нет, милочка, виновата ты сама. И в смерти своей, и в том, что жизнь у нас так прошла неряшливо. Мою кровь тебе больше не пить. И тебе больше сюда хода нет, чтобы ты знала!

Вдруг где-то внизу хлопнула калитка, будто ушёл кто-то. Он встрепенулся, вскочил, тут же опустился обратно на кровать. Наконец-то взглянул на застывшую со стаканом в руках Алёну.

— Вот так всегда. Сложные у нас были отношения, Алёнушка. Очень сложные. Ты не верь мне, когда рассказываю, как хорошо с Леной жили. Хреново мы жили на самом-то деле. Чего уж там! А расцепиться до конца всё никак. То сходились, то разбегались. Не могла она до конца понять, что мне необходим хотя бы минимум свободного пространства. Глоток воздуха. Зато ей мужиков подавай! Красивая женщина была. Если близко её не знать, идеаль-

ная. Я знаю, что мы вовек не разлепимся. Союз душ после смерти! Ха! Но нет ничего хорошего в этом. Вечный ад это, а не романтическая картинка. От пустоты не спасает. Только жрёт и жрёт мои силы — ни она не отпустит, ни я. Что мне делать? Вот что?

На этот вопрос Алёна не могла ответить. Вышла в сад, на качалку села. Ну как его бросить после всего? И ревновать к мёртвой жене уж как-то не получалось. И в голове не укладывалась вся эта история с туфлями и его безумным разговором с самим собой. Она только понимала, что плохо ему. Без неё, Алёны, он никак не справится. Завязалась с ним, вплелась в чужую историю — выпутаться сил нет.

— Расскажи мне свой сон.

— Тебе честно?

— Да, иначе какой смысл?

— Ну... а почему тебя так мои сны интересуют?

— Сложно сказать. Они как окно, понимаешь? Нет, дурёха, не поймёшь. Как бы объяснить? Я вот не могу сам разобраться, а они подсказку дадут, выход, как быть нам дальше.

— В смысле? У нас же все хорошо. Нет?

— Хорошо. Но ты всё равно рассказывай. И честно. Это очень важно.

— Опять снилось, что я по комнатам хожу, а в одну зайти не имею права. Живёт там нечто на правах полной хозяйки, а я так — гостья. Замена ей.

— Не выдумывай. Это всё? Ничего больше?

— Я туда так и не зашла.

8

Иногда нужно всё оставить как есть — махнуть рукой ради собственного покоя. Алёна чувствовала себя лишней, когда случайно впуталась в чужие отношения, над которыми даже смерть не имеет никакой силы. А ведь новобрачные клянутся: «Пока смерть не разлучит нас...» Не разлучит и она.

Алёна поднялась по дощатым подмосткам, оставив все свои переживания на даче. Здесь, наверху, в кирпичном доме-замке, её ждут. А может, эти люди станут ей друзьями? Странно, конечно, зачем им, молодым, понадооби-

лась она — престарелая тетка? Но вот неожиданно пригласили. Может, и незачем. Людям свойственно общаться — просто так, не задумываясь, не загадывая.

Алёна постояла над лестницей. Забавное соединение запахов морского бриза, цветов и шашлыка. Запах юга, запах безмятежного отдыха. Это они, друзья, уже поставили мангал во дворе. Ждут Алёну. Откроют бутылку «Negro de Purcari», будут говорить ни о чём, смеяться. Медленно, как девочка в ожидании сказки, Алёна подошла к дому-замку, и её туда впустили.

Летели-танцевали искры. Общение с вежливыми, спокойными людьми казалось ей другой реальностью. Никто не заставлял рассказывать сны. Хочешь помолчать — молчи. Хочешь говорить — тебя выслушают и ни в чем не обвинят. Приходили незнакомцы, через минуту уже казавшиеся знакомыми: кто-то вернулся с ночного купания, кого-то устраивали на ночь в комнатах на втором этаже. А Алёна, будто прильнувшая к чужой жизни, не могла надышаться этим обыкновенным общением. И уже сказкой казалось прошлое — страшной сказкой братьев Гримм. Прикоснись к чужой жизни — пригуби, как дорогое вино. Алёна опьянела от простоты и свободы. Оказалось, что можно не бояться сболтнуть лишнего, и она достаточно образованный и начитанный человек, умеющий поддержать непринуждённую беседу.

Время — никакими силками не поймашь эту птицу: блеснула фейерверком жар-птица и исчезла. Алёна и не заметила, как гости стали разъезжаться. Утренний ветерок смял ночную тишь-гладь да благодать — даже как-то неуютно стало. Поёжилась, не верится, что на смену ему когда-то опять придёт августовское пекло. Будет, будет. Всё опять вернётся на круги своя. Алёна побрела в свою обитель, вниз, к любимому.

Когда Алёна, невзирая на недовольство Евгения Львовича, одна направилась в гости к этому молодчику, он встревожился. Признаться, Евгений и сам был бы не против отдохнуть в достойной компании и ждал, что Алёна предложит пойти вместе. По крайней

мере, как он был уверен, так поступил бы воспитанный человек и уж точно — хорошая жена. Тогда Евгений Львович поломался бы для приличия, а потом, принарядившись и взяв бутылочку хорошего вина, отправился бы вместе с ней. Но Алёна опять изображала отрешённую невинность, как будто не понимала, чего от неё ждут. Это взбесило Евгения ещё больше. Святое благочестие! Твою армию спасения! Налево и направо! После её ухода ещё полночи промаялся, ощутив сполна страх одиночества — до кома в горле, до страха, что она не вернётся. Затем он засобирился пойти за ней. Только что сказать этим желторотикам, появившись на пороге? На него будут смотреть как на придурковатого дедулю. Алёнка-то молодая ещё — она им для компании в самый раз. Даже без шикарных нарядов молодо выглядит. А если уже нашла там кого? Не зря с ней тот молодчик любезничал. Старого ловеласа не проведёшь. Вот Евгений Львович и решился.

Накинул куртку и подошёл к двери. За стеклом веранды мелькнула знакомая тень, но он не испугался. Затем неожиданно лицом к лицу, будто кукла с открытыми глазами, — Елена. К её внезапному возвращению он был не готов. В дверь не постучалась, но на пороге встретила. Никогда он не видел её после смерти так близко. Взгляд, сфокусированный на чём-то, — она смотрела мимо Евгения. Если бы глядела ему прямо в глаза, умер бы от сердечного приступа на месте. Зажмурился, затем открыл глаза. Нет, не исчезла. Евгений наклонился чуть влево. Она попятилась. Сделал шаг назад. Она — вперёд, по направлению к нему. Он остолбенел, не зная, что дальше делать. Елена, словно превратившись в сквозняк, в ледяную воронку вихря, прошла сквозь него. Он отключился, не помнил, как оказался на кровати. Дошёл же как-то! На рассвете разлепил глаза. Ещё живой?! И бросился прочь из дома.

А навстречу ему Алёнушка спокойненько так идёт.

Евгений ожидал её на железобетонном кубе возле калитки, поднялся для приветствия, шутливо озлобленный. Обнял не за плечи — почти за шею. Чуть не придушил с улыбкой:

– Идём-ка поговорим. Нет, не домой. На пляж.

Да, лучше на пляж. Там люди.

– Ты же знаешь, что я тебя ждал? Спасибо, хоть сказала, где будешь! Подумать только!.. Тоже решила со мной в игры поиграть? Но не выйдет. Ты не она, запомни, моя дорогая.

Он все ещё улыбался. Рука его ещё сильнее впилась в шею Алёны. Там, наверно, будет синяк.

Люди!.. Редкие отдыхающие проходили по пляжу – невыспавшиеся, невнимательные. Подумаешь, парочка обнявшихся немолодых влюблённых. Что на них смотреть? Алёне было не то чтобы страшно – жутко, но закричать она не могла.

– Запомни, милочка, никаких выбрыков я не потерплю. Натерпелся уже. Дай мне свой мобильный.

– Зачем?

– Дай.

Отдала. Лишь бы руку с шеи убрал.

– Он тебе ещё будет звонить?

– Кто?

– Хахаль твой.

– Какой?

– Ну, у которого ты ночевала.

– Это не хахаль, а сын хозяйки...

– Да, конечно.

– Ему же лет двадцать!..

– О, на молоденьких нас потянуло!

– Да там полно народу было, кроме нас.

– Ага. И дом такой большой, что и в задней комнате можно уединиться.

– Ты мог бы пойти со мной, если бы захотел.

– Чтобы я за тобой побежал, как твоя собачка, хвостиком виляя? Кстати, о собачках... Если тебе твоя сучка ещё дорога, не надо, милочка, ерепениться. Телефончик ты обратно не получишь. А сейчас пошла домой.

– Но...

– Я тебя спрашивал? Нет. Пошла...

Вдруг раздался звонок. Приглушённая мелодия.

– О! Я же говорил. Мальчик по тебе уже соскучился!

Евгений Львович растерянно смотрел на её телефон. Затем достал свой. Алёна тоже посмотрела на дисплей: на нём светилась надпись

«Евгений» и его номер. Но телефон Евгения в этот момент молчал, хозяин держал его тут же, в другой руке. Чёрт! Молчащий телефон, с которого всё звонили и звонили. По-видимому, желая с Евгением Львовичем поговорить. Но нажать на кнопку приёма он так и не решился. Бросил оба мобильника на мягкий песок и ушёл. Звонки тут же прекратились.

Опять одна под покровом дома-замка. Молодой хозяин снова уехал за границу. Только она да Палая. Евгений ее больше не беспокоил. Алёна постепенно училась не тревожиться за него. У нее даже почти получалось. Но опять приснился прежний сон. Анфилада комнат и то, что поселилось там, в закрытой комнате. На этот раз Алёна решилась – вошла. Но не увидела никого, просто знала – эта женщина тут. Ее невидимая соперница, его вечная жена. Вот только чувствовала, что сила эта, которую всегда в своих снах боялась, не от нее идёт. Ох, не от неё!

– Здравствуй, девочка. Бедная, глупая. И ты попалась? Да... Он – такой. Милый, умный. Интеллигент. Голову вскружить может. Что он там про меня говорил? Сравнивал тебя со мной? Представляю, невинная жертва роковой любви! Она – стерва, а он – жертва обстоятельств. Вот только не рассказал он тебе, бедняжка, как мне рядом с таким жилось. Вначале вроде ничего. Любили друг друга. Но постепенно я стала замечать, что всё у нас не так, как у людей заведено. Когда вышла замуж, думала, что будем вместе ходить к друзьям – и его, и моим. Но почему-то у него друзей не оказалось, а мои после свадьбы отдалились. Точнее, он отдалил их от меня. Я ведь очень весёлая была. Душа компании. А ему это не нравилось. Сначала-то не говорил так в лоб. Просто не хотел никуда со мной выходить. Когда я хлопала дверью и назло ему шла, плёлся следом, недовольный, и все бурчал. Мне сперва казалось это милым.

Затем появилась необоснованная ревность, но я списывала на любовь, пока он руки не начал распускать. Друзей к этому времени у меня уже не осталось. Кто же захочет его недовольную мину рядом с собой терпеть? Однажды после побоев я решилась – ушла. Так нет

же — жене уважаемого человека — доцента университета! — так просто уйти не позволено. Вызвали на собрание — обсуждали, а жертвой оказался... он. Я — тварью, позорящей образ советской женщины. И не сбежать никуда. После собрания, по правде говоря, он вроде как уgomонился. Сам, наверно, испугался огласки. Год... два...

Я родила от него ребёнка. И опять понеслось: не выйди из дому лишней раз, не взгляни ни на кого случайно. Ребенка — в сад? Да ты мать-ехидна! Дома сидеть должна. Дома.

Мне все ещё хотелось верить в хорошее. Тем более, как только я собирала чемодан, Евгений хватал дочь на руки: «У нас же ребёнок!» — и я опять оставалась. Дождусь, пока дочь вырастет, думала. Она же всё: «Папа! Папа!» При ней он так себя не вёл.

Дочь выросла. Уехала от нас в другую страну. Женечка же стал от меня погуливать. Сначала — с молодыми аспирантками, затем нашёл себе какую-то даму-бухгалтера. Я плакала. Теперь уже отпустить его не могла я. Ему такое положение дел нравилось. Но стоило мне задержаться где-то на полчаса — неделю мог со мной не разговаривать. Или бил. Лучше, когда бил — тогда и прощал быстрее.

Однажды я почувствовала себя плохо, а он собирался в этот день «в библиотеку» — знаю, к бухгалтерше своей. Я просила его, умоляла:

«Ну хоть не сегодня». Только фыркнул в ответ и ушёл. Просто так. Равнодушно: «Хватит уже придуриваться!» Когда вернулся — меня уже на этом свете не было.

Он долго не мог прийти в себя. Звал меня и звал. Так меня к себе своим зовом и «присоседил». Хотела бы насовсем от него исчезнуть, да не могла. Не от меня это зависело. Затем появилась ты и так была в него влюблена, как я тогда. Я пыталась тебя отогнать. Надеюсь, испугаешься, возмутишься. Но он сам здорово испугался и раньше времени свою натуру явил. Спи, моя девочка, спи. Подальше от этой пустоты и зла.

Густой запах водорослей поднялся с побережья на косогор, а затем долетел и до города. Зашумело, зашуршало в предзвездной темноте. Внезапно пошёл дождь, превратился в ливень. Проснувшаяся Алёна услышала, как он частит по крышам. Мелкие удары сыплотся — так срезанную траву кидают — на окна спальни. Ливень косит ветви. Голосят ветра — без разбора летят куда?

А ей на душе спокойно. Друг ли заботливый к ней приходил? Просто сон был? Но она чувствовала, что охраняет её непутевую жизнь некто, столь на неё похожий.

— Елена, может, вы со мной теперь останетесь?..

□

Анастасия ЯКОВЛЕВА-ПОМОГАЕВА

родилась в Одессе в 1982 году.

Окончила училище искусств и культуры им. К.Ф. Данькевича, затем философский факультет

Одесского национального университета им. Мечникова.

Работала редактором в журнале «Родник», журналистом.

В 2005 году стала лауреатом международного конкурса Союза писателей России «Золотое перо Руси» в Москве (номинация «Проза»).

Участник VII форума молодых писателей (Москва).

Произведения были опубликованы в интернет-журнале «Пролог», в журналах «Меценат и мир», «Ренессанс», журнале «Новая реальность», «Наше поколение» и других.

В 2010 году стихи вошли в антологию русской поэзии в Германии «Поэзия третьего тысячелетия».

